

был некий Иван Акиндинович, ростовец родом: он хорошо был знаком с выговцами, жил у них несколько лет и потому старался во всем подражать им.

Однако, как рассказывает местная повесть о самосожжениях в Печорском крае,¹ пижемцы здесь «житие имели издавна, еще до приходу онаго Ивана Акиндинова к ним, он после пришед, что пашня и промыслы рыбные и звериные вельми добрые, живущие от Печеры реки в стороны за осьмьдесят верст на Пежмы реки, на Великих пожнях». На Великих пожнях Иван Акиндинович выступил только в роли объединителя отдельных старообрядческих семей в единое общежительство с поморским, выговским, уставом. Первыми же засельниками здешних мест считаются мезенцы Бобрецовы, Антоновы, Кирилловы и Носовы,² потомки которых и сейчас составляют основное ядро населения Скитской и соседних деревень.

В 1744 году по доносу мезенца Артемия Ванюкова в скит приехал воинский отряд из восьмидесяти человек во главе с офицером и священником. Целью прибывших было приведение живущих здесь старообрядцев к господствовавшему вероисповеданию. Но великопоженцы не желали вступать в какие-либо отношения с «разорителями древлеотческого церковного благочестия». Свою непоколебимую приверженность к старой вере они засвидетельствовали страшным самосожжением 86 человек. Это случилось 6 декабря 1744 года. Обо всем этом красочно и подробно сообщается в упомянутой выше местной повести. На основании ее же можно составить представление о хозяйственной деятельности общежительства в середине XVIII века. По этим сведениям, Великопоженское общежительство представляло собой довольно мощную экономическую силу. Повесть сообщает, что пришедшей команде досталось следующее имущество скитян: «хлеба молоченого 600 четвертей отмериша, немолченого ржи и жита 30 кучь, 63 книги и икон множество, 12 лошадей, коров дойных слишком 50, овец 300 и иного живота».

Книг показано 63, но их в общежительстве, несомненно, было значительно больше, чем приведено в повести. Скорее всего это были лишь те 63 книги, которые скитяне не успели своевременно спрятать. Правда, в повести подчеркивается, что великопоженцы намеренно не заботились о сохранении своего имущества. В повести мы читаем: «... овое нашли охиченого, а иное бросали из запору, с окон, занеже с собою ничего не сожгоша, все выбросали на улицу». Но едва ли это относилось к книгам и иконам.

Катастрофа 1744 года не прекратила совсем деятельности Великопоженского общежительства. Оно скоро возобновило свою жизнь, обстроилось, слава о его «страдальцах за веру» привлекла к нему еще больше внимания со стороны местного старообрядчества и столичных и московских «доброхотов».

Новое испытание пришлось выдержать великопоженцам в 1825 году. Большой пожар уничтожил почти все строения, погибло много книг, икон, хозяйственного и домашнего имущества. Но скитяне и на этот раз быстро оправались от постигшего их несчастья. Опять на помощь пришли богатые старообрядцы из Усть-Цильмы, Москвы и Новгорода, с которыми предприимчивые великопоженцы успели завязать тесные связи.

¹ Повесть эта имеет следующее заглавие: «В Архангельской губернии, в Мезенском уезде содеяся в нынешнем 7252 (1744) году». Есть, впрочем, и несколько измененные заглавия. Нами приобретено на Пижме два списка XIX века этой повести; третий, наиболее полный список, тоже XIX века, был найден в деревне Рочеве на Цильме в 1954 году. В статье пользуюсь Рочевским списком.

² Н. Е. Ончуков. Печерская старина. ИОРЯС, кн. 3, стр. 216.